

Вчерашние новобрачные, всего лишь одну ночь спустя после свадьбы, обернулись двумя телами, лежащими на соломенной циновке. Любой, кто видел это, невольно качал головой, вздыхая с искренним сожалением.

Родственники семьи Тан ещё до рассвета сняли со всех помещений в доме красные украшения. Всё, с чем Тан Вэнь имел контакт — постельные принадлежности, одежда, даже тряпки, — не подлежало сохранению: всё собрали и сожгли, а пепел зарыли в яме.

Юй Шанчжи стоял во дворе дома семьи Тан. Ветерок хоть и не был особенно прохладным, но всё, что попадало ему на глаза, казалось пронизанным унылой пустотой. Из комнаты без остановки доносился женский плач — мать Тан Вэня, Юй Цайся, словно ослепла от горя, поначалу била себя в грудь и проклинала, а затем и вовсе замолкла. Видно, подумала, что раз человек уже мёртв, то хоть разбейся, ничего не изменишь.

А отец Тан Вэня, Тан Лаохань, был, как и большинство местных мужчин, молчалив, словно глиняная кукла, неспособная вымолвить ни слова. На фоне убитой горем Юй Цайся он казался и вовсе забытым всеми камнем во дворе. Кто бы мог подумать, что стоило только семье Ван появиться во дворе, именно он, тот самый молчаливый, словно мёртвый, человек, вдруг схватит топор для колки дров и, не сказав ни слова, с яростью бросится на Ван Байчуаня и Чан Цзиньянь!

Но в семье Ван тоже было два высоких и крепких сына. Разве такому, как Тан Лаохань, легко было добиться своего?

Однако если у Ванов были свои, то и семья Тан не осталась без поддержки. В деревне, где все так или иначе приходятся друг другу родственниками, да и молодёжь вся в самом разгаре юношеской удали, стоило увидеть, как Тан Лаоханю досталось, как сразу же закатали рукава и бросились вперёд, чтобы помочь. Ведь и вправду — Тан Вэнь, скорее всего, умер от руки Ван Сяюя. А тот, подлец, теперь тоже мёртв. Так с кого же ещё спрашивать, как не с семьи Ван?

А в семье Ван, напротив, бушевала ярость. Они с миром отдали своего хорошего, как они считали, гера в семью Тан, а теперь что? Спустя одну ночь приходит весть о его смерти! Тан Вэнь, как бы то ни было, умер в родной постели, при родителях, а их Сяюй? Он погиб в этой деревне, и никто даже толком не объяснил, что произошло!

Глаза у Ван-да и Ван-эра налились кровью: каким бы ни был Ван Сяюй, сколь бы ни упрекали его за дерзость и глупости, он всё же был их родным братом, плоть от плоти семьи Ван. И потому, не говоря ни слова, они тут же ввязались в драку с роднёй семьи Тан.

Когда Сюй Байфу и Чжэн Бинши в спешке выбежали из дома, ситуация уже почти вышла из-под контроля.

— Всем прекратить! Я сказал — руки прочь! — с яростью крикнул Чжэн Бинши, размахивая своей тростью, а его лицо от гнева налилось кровью. — Вы что, с ума посходили?! Вот-вот приедут чиновники из уезда, вам, что, жить надоело? Один за другим захотели попасть в ямен,

под палки да в тюрьму?!

На стороне Сюй Байфу людей было куда меньше: он с внуком Сюй Циньшумом вдвоём никак не могли сдержать Ван-да и Ван-эра. К тому же сражались не только родственники семьи Тан, к ним постепенно начали примыкать и другие жители деревни Шуймо, которым было совсем не по нутру, что чужаки вздумали буянить на их земле. У этих людей в голове было одно: не позволим чужакам безнаказанно устраивать разбой на нашей территории.

Пока Чжэн Бинши, охрипнув от крика, уже сбивался с дыхания, приказывая внукам и племянникам скорее вмешаться, ситуация неожиданно изменилась: наконец-то подоспели и люди из деревни Селю.

Они выдвинулись примерно в одно время с Сюй Циньшумом, но из-за необходимости собрать всех по списку и из-за того, что человеческая нога не сравнится со скоростью телеги, добраться до деревни им удалось лишь с опозданием. Во главе с Сюй Пэном, включая Сюй Циньшуня, а также других мужчин из рода Сюй и деревенских молодцов, отряд из Селю прибыл целой толпой не меньше десятка человек.

Самой первой вперёд вырвалась черношёрстная овчарка, злобно оскалившись и громко лая, стремглав бросившись вперёд. Она молниеносно врезалась в толпу жителей Шуймо и мигом разогнала их. С появлением подкрепления и этой устрашающей собаки, Ван-да и Ван-эра быстро оттащили в сторону, резкими окриками заставив угомониться. А Ван Байчуаня и Чан Цзиньянь и вовсе отбросили назад и приставили к ним двоих человек, чтобы те за ними присматривали.

Мгновение, и ситуация кардинально изменилась: неравная свалка обернулась глухим противостоянием двух сторон. Именно в этот момент Сюй Байфу почувствовал, как дёрнулся глаз, — он заметил, что среди пришедших из Селю затесался гер.

Более того, этот гер явился вовсе не с пустыми руками - на плече у него красовалась тяжёлая железная лопата. Когда Сюй Байфу всмотрелся повнимательнее и узнал в пришельце знакомое лицо, он уже ничуть не удивился. Ведь буквально мгновение назад Даван уже успел показать себя с лучшей стороны. А кто же в деревне Селю не знает, что это был пёс семьи Вэнь?

Раз уж пёс пришёл, хозяин не мог быть далеко.

Сюй Байфу тут же бросил выразительный взгляд на Сюй Циньшуня, велел тому без лишних слов подойти и увести гера, а заодно забрать и ту железную лопату. А то с таким боевым видом и впрямь словно на драку пришёл!

Пришедший, конечно же, был не кто иной, как Вэнь Ецай, беспокоившийся за Юй Шанчжи.

С тех пор как Юй Шанчжи ушёл ночью, Вэнь Ецай почти не сомкнул глаз. Он ворочался в постели, словно лепёшка на сковороде, и, дождавшись рассвета, накинул одежду, собираясь

приготовить что-нибудь простое для младших, а потом отправиться к деревенскому старосте, разузнать, что же всё-таки стряслось прошлой ночью в Шуймо.

Но едва он успел доварить кашу, как услышал, что кто-то пришёл к соседям из рода Сюй, звал Сюй Пэна. Он вышел во двор, прислушался у калитки и уловил в разговоре знакомое слово — «деревня Шуймо». Как он мог дальше спокойно сидеть дома и ждать?

Он тут же зашёл в дом, разбудил Вэнь-эрню, взял в руки «домашнее оружие», позвал Давана и бегом присоединился к отряду, который собирался выдвигаться. Уже у самых ворот немало людей пытались его отговорить, мол, не стоит лезть в заваруху, особенно когда речь идёт об убийстве, а тебе, геру, и вовсе туда соваться ни к чему.

Но как только все увидели Вэнь Ецай — рослого, выше любого деревенского мужика на полголовы, да ещё с тяжёлой железной лопатой в руке и холодным выражением на лице, а рядом с ним грозного охотничьего пса, переполненного силой и яростью, то недосказанные слова так и застряли у всех в горле. Ну и пусть идёт. В конце концов, это же Вэнь Ецай — человек, что однажды голыми руками расправился с диким волком! С таким гером и псом под стать, двух мужиков заменить можно.

— Староста, я...

Вэнь Ецай только открыл рот, но Сюй Байфу тут же метнул в него взгляд, красноречиво велел умолкнуть. Он послушно сжал губы и окинул старосту внимательным взглядом, лишь теперь замечая, как тот осунулся за одну ночь и стал будто старше на целое десятилетие.

Сюй Байфу указал в сторону двора дома Тан.

— Парень Юй сейчас в заднем дворе. За ночь он изрядно вымотался, а тут снаружи такое творится, что я не посмел его вызывать, ещё толпа затопчет. Ты потихоньку иди туда, не шуми и не устраивай переполох. А то, как только из уезда приедут чиновники, нам и впятером не отбрехаться!

Вэнь Ецай хоть и выглядел сурово, но голова у него на плечах была светлая. Услышав это, он лишь серьёзно кивнул, не задавая лишних вопросов. Он незаметно подал знак Давану, внимательно наблюдавшему за ним. Пёс, умный не по годам, быстро отступил из толпы, но всё так же гордо и неотступно сторожил у края двора.

А Вэнь Ецай тем временем, словно юркая рыба, незаметно проскользнул во двор Тан, и вскоре нашёл Юй Шанчжи, сидящего на большом камне в заднем дворе.

Во дворе пахло неприятно, Вэнь Ецай недовольно поморщил нос, шагнул вперёд и увидел, что Юй Шанчжи, облокотившись на прислонённое к глинобитной стене бревно, задумчиво смотрит в пустоту. Одежды, в которой он ушёл из дома, на нём уже не было, вместо неё была надета какая-то чужая, и по размеру явно великовата.

Юй Шанчжи услышал шаги, поначалу решил, что это кто-то из людей Сюй Байфу пришёл звать его, и только когда разглядел, кто именно к нему идёт, показалось ему, будто он в забытьи или во сне.

— А-Е? — с неуверенностью и недоверием прошептал он.

Вэнь Ецай тут же ускорил шаг, подбежал к нему и с болью в глазах уставился на его измождённое лицо.

— Почему ты здесь один? Где твоя одежда?

Лишь теперь Юй Шанчжи окончательно поверил, что перед ним действительно Вэнь Ецай. Вся внутренняя тревога, сжавшаяся в ком в его груди, словно враз растаяла. Он шагнул вперёд и крепко-крепко обнял Вэнь Ецай, прижавшись к нему всем телом, и лишь спустя некоторое время отпустил.

Вэнь Ецай хоть и не знал, почему Юй Шанчжи ведёт себя так, но понимал, что супруг его не сомкнул глаз всю ночь. Он осторожно погладил Юй Шанчжи по спине, а когда тот, наконец, отстранился, сразу заметил тёмные круги у него под глазами.

Юй Шанчжи глубоко вздохнул и объяснил:

— Одежда была испачкана, её сожгли. Это из дома старосты Чжэна в Шуймо, он дал мне переодеться.

Вэнь Ецай догадался: наверное, при обработке раны всё забрызгало кровью. Это и впрямь стоило сжечь. Теперь у них дома не было нужды экономить на одежде, и жалеть тут было не о чём. Тут он вдруг хлопнул себя по лбу, будто вспомнил нечто важное, и, порывшись за пазухой, с довольным видом извлёк аккуратный узелок из чистой ткани.

— Совсем забыл! Ты ведь уже несколько часов ничего не ел. Поешь хоть чего-то горячего.

Он развернул ткань, и лёгкий, аппетитный аромат свежей пшеницы мгновенно разлетелся в воздухе. Юй Шанчжи склонился поближе и с изумлением увидел внутри ещё тёплые паровые маньтоу.

— В спешке успел захватить только две, — с лёгкой неловкостью пояснил Вэнь Ецай, — но я разрезал их и положил внутрь немного солений. Хоть какая-никакая добавка к вкусу.

У Юй Шанчжи руки были испачканы, так что он, не разворачивая узелка и держа маньтоу прямо через ткань, откусил кусок, прожевал и проглотил. Едва пища попала в желудок, сразу почувствовалось облегчение, тело словно обрело силу.

Вэнь Ецай заметил, как потрескались его губы, и, встревоженно оглянувшись по сторонам, сказал:

— Подожди тут, я пойду посмотрю, нельзя ли где-нибудь достать воды.

Но Юй Шанчжи тут же схватил его за руку:

— Не ходи. Сейчас в доме Тан покойник, да и снаружи всё вверх дном. Обойдусь без этой чашки воды.

Он сдержанно усмехнулся и добавил:

— А ты не побоялся сунуть ещё горячие мантоу себе за пазуху?

Вэнь Ецай с лёгкой ухмылкой похлопал себя по груди:

— Мне не страшно, кожа у меня толстая.

Юй Шанчжи невольно рассмеялся, но всё же решил, что вернувшись домой, обязательно осмотрит, не обжёгся ли супруг.

Они устроились в заднем дворе и под непривычный, неприятный запах немного перекусили. Да, место для трапезы было не из лучших — запах навоза чувствовался отчётливо, но у кого в доме не держат скотину? Юй Шанчжи был к такому привычен и не настолько брезглив, чтобы из-за этого терять аппетит. Тем более что только тут, в глубине двора, ещё можно было найти хоть какую-то тишину.

Насытившись, Вэнь Ецай тоже поведал почти всё, что происходило снаружи:

— Говорят, ждут, пока из уездного города придут чиновники. Если бы Ван Сяюй не умер, его бы непременно под стражей доставили в ямен на допрос. А теперь, выходит, поедут только родные семьи Тан и семьи Ван, всё равно ведь должен быть какой-то исход.

В конце концов, Тан Вэнь был у семьи Тан единственным сыном.

Сказав это, он немного погрустнел и, не удержавшись, спросил:

— Я до сих пор не могу понять, в чём тут дело. Если Ван Сяюй не хотел выходить за Тан Вэня, с самого начала мог бы решительно отказаться. Зачем тогда было дожидаться первой брачной ночи и только после этого так жестоко расправиться с ним?

Юй Шанчжи аккуратно сложил всё ещё тёплую ткань:

— Что касается причин, нам с тобой не нужно гадать. Оставим это дело уездному судье.

В этот момент со стороны переднего двора вновь донёлся лай собаки. Юй Шанчжи, чья голова за ночь совсем затуманилась, вдруг всё понял:

— Ты привёл с собой Давана?

Раз Вэнь Ецай вышел один, а дома остались Эрню и Санья, значит, наверняка оставил Эрвана охранять дом.

Вэнь Ецай кивнул:

— Верно. Я подумал, что, если приведу пса, это и нашей деревне добавит внушительности. Да и если бы я не взял его, они, глядишь, вообще бы не захотели меня с собой брать.

Юй Шанчжи сжал руку своего молодого супруга, и так было ясно, что те, кто отправился сюда, сплошь мужчины из деревни, а один лишь Вэнь Ецай гер. Но раз он сам оказался здесь, то прекрасно знал: тот в любом случае пришёл бы за ним.

Однако появление Давана натолкнуло его на одну мысль. Он поманил Вэнь Ецай жестом, пригласив склониться ближе, и что-то прошептал ему на ухо. Выражение лица Вэнь Ецай менялось с каждым услышанным словом, но в конце концов он решительно кивнул, развернулся и поспешил покинуть задний двор, направившись к Сюй Байфу.

А тем временем два села всё ещё продолжали громко препираться: раз уж нельзя пустить в ход кулаки, язык у всех остался при себе, и теперь плевки сыпались во все стороны, как град. В такой суматохе никто и не заметил, как незнакомый гер с охотничьей собакой бесшумно обошёл дом Тан с обратной стороны.

Когда букай* Юй Мяошуй и Лю Даху прибыли в деревню Шуймо на воловьей повозке, лица у них были откровенно мрачные.

(ПП: чиновник полиции в древнем Китае, в данном контексте — деревенский/уездный следователь)

Особенно хмур был Юй Мяошуй — его вытащили из постели на рассвете, ещё до того, как в ямене началась служба. Маленький чиновник из канцелярии с утра пораньше примчался к нему домой и, не давая проснуться, начал тарабанить в дверь. А ведь он в тот момент сладко спал, обняв дома свою жену! От неожиданного шума он едва не вылетел с кровати с желанием с размаху вышвырнуть наглеца ногой. Лишь выслушав до конца, наконец понял, что в деревне Шуймо произошло убийство, и глава уезда велел им с Лю Даху немедленно отправиться на

место.

Даже бумагу уже составили, предписав: как только найдут подозреваемого, сразу везти в уездный ямен.

— Наш начальник-то себе жизнь упростил, — буркнул Юй Мяошуй, — зато нам теперь день на ногах мотаться.

Лю Даху в это время уплетал за обе щеки горячую лепёшку с маслом, купленную в утренней лавке в уезде, и теперь ел с таким аппетитом, что у него весь рот блестел от масла. Широкоплечий, толстошей, с нескромным аппетитом, он говорил, пережёвывая, и даже достал ещё одну лепёшку, протянув её товарищу:

— Брат Саньшуй, хочешь тоже?

Юй Мяошуй с травинкой в зубах покачал головой.

— Сам ешь, — отмахнулся Юй Мяошуй. — С утра пораньше такая жирная еда - не боишься, в горле застрянет?

Лю Даху хихикнул:

— Так жирное — оно ж ароматнее! К тому же я тебе не ровня, брат Саньшуй. У тебя дома жена, сама готовит, разве сравнить?

Упоминание жены слегка смягчило выражение лица Юй Мяошуя.

— После смены сегодня пойдём ко мне, — пробормотал он. — Жёнушка сказала, будет пельмени лепить. Повезло тебе, дурень.

Услышав про пельмени, Лю Даху тут же подхватил на лету:

— Вот это дело! Тогда я наперёд тётушке спасибо передаю!

Пока двое букаев вольно болтали и смеялись сзади повозки, управлявшие ею Чжэн Чэнцай и Чжэн Чэнтянь сидели впереди со всё более мрачными лицами. В деревне ведь случилось убийство, и не одно, а два. А эти чиновники как ни в чём не бывало зубоскалят о пельменях. Выходит, для них кто и как умер, менее важно, чем ужин с пельменями?

Братья нахмурились и исподтишка переглянулись, но вслух ничего говорить не решились. Хотя по сути букай из уездного управления были всего лишь ловцами низшего звена и по чину даже

за настоящих чиновников не считались, в глазах деревенских жителей они всё равно были почти как небожители - недостижимая власть.

— Сколько можно тащиться? Что, ваш вол без завтрака остался? Если мы из-за вас опоздаем с докладом, вы потом за это расплатитесь? — раздражённо бросил Юй Мяошуй, измученный тряской телеги.

Чжэн Чэнцай, сидевший впереди, поспешно дал знак брату гнать быстрее и сам обернулся, виновато улыбаясь:

— Простите, господа, дорога в деревню не из лёгких, но, клянусь, не пройдёт и двух кэ, как будем на месте!

Юй Мяошуй глянул на него вскользь, сплюнул жеваную травинку и, выпрямившись, откинулся на спину:

— Даху, как приедем, разбудишь. Я пока прикорну.

— Добро, брат Саньшуй, — проглотив кусок лепёшки, поспешно ответил Лю Даху.

Когда, наконец, телега довезла двух праздных, бесцеремонных букаев до деревни Шуймо, Чжэн Чэнцай тут же соскочил вниз и бросился вперёд сообщать о прибытии. Чжэн Бинши и Сюй Байфу, услышав, что приехали сами циньские букаи, да ещё и вдвоём, тут же велели своим деревенским собраться с мыслями, вести себя смирно и спокойно ожидать.

И как раз в этот момент Вэнь Ецай тоже появился неведомо откуда, ведя за собой Давана. Он незаметно бросил Сюй Байфу многозначительный взгляд, и когда тот понял, в чём дело, сразу пошёл разыскивать Юй Шанчжи.

Юй Шанчжи, как единственный медик, который занимался спасением Тан Вэня, прекрасно понимал, что ему не избежать допроса, и потому, слегка отдохнув, отправился к переднему двору, чтобы ждать вызова. Двое супругов стояли рядом, держа пса на привязи, и вдаль, в сторону приближающейся повозки, смотрели с одинаково напряжённым выражением.

Причина была проста — уж слишком знакомыми казались эти два букаея, сидящие в телеге. Разве это не те самые два невезучих типа, что в прошлый раз заодно с Цзиньху пытались подставить трактир семьи Чжу, а в итоге сами попались в ловушку, расставленную Цянь Юньли?

Юй Шанчжи молча отступил с Вэнь Ецаем чуть в сторону. С таким стилем работы, как у этих двоих, можно было ждать чего угодно, только не спокойного расследования.

С другой стороны, Юй Мяошуй, зевая, спрыгнул с повозки и вместе с Лю Дафу направился к

толпе. При каждом шаге меч на его поясе звенел, издавая глухой лязг и заставляя людей по обеим сторонам поспешно расступаться. Они оба, по всей видимости, получали немалое удовольствие от страха, который внушали деревенским, и от этого шли с тем ещё важным видом, словно генералы на смотре войск.

А Чжэн Бинши, как староста деревни Шуймо, и вовсе уже согнулся чуть ли не в пояс до земли.

— Этот скромный человек, Чжэн Бинши, староста деревни Шуймо, приветствует двух уважаемых господ. Господа устали с дороги, не щадя себя мчались по грязи, истинно великий труд, — с подобострастной улыбкой проговорил он. — Я велел приготовить горячий чай и немного закусок, может, уважаемые господа захотят сперва передохнуть?

По идее речь ведь шла об убийстве, какая тут еда и чаепитие?

Но Чжэн Бинши отлично знал, какой у этих уездных ловцов характер. Хотят они есть или нет - неважно. Главное, чтобы почести были оказаны, и приличия соблюдены.

Юй Мяошуй, видя, что тот ведёт себя как положено, не стал особенно придираться. Он слегка кивнул Лю Дафу подбородком, а тот сразу шагнул вперёд и громко заявил:

— Вы, значит, донесли, что в деревне случилось убийство. Теперь ты, как староста, рассказывай по порядку — что, как, и с чего всё началось!

Чжэн Бинши поспешно ответил:

— Да, слушаю! — и пригласил двух ловчих присесть на то самое место, где до этого отдыхал вместе с Сюй Байфу. Все было подготовлено заранее: грубоватый, но горячий чай и самые лучшие угощения, что могли найтись в доме.

После короткого покашливания он начал обстоятельно рассказывать всю историю, не упуская ни одной детали — как сватались, как сыграли свадьбу, и как в первую же брачную ночь между Тан Вэнем и Ван Сяоюем случилась трагедия. Когда дошло до того, что фулан собственноручно отрезал мужу то самое место, Юй Мяошуй с Лю Дафу синхронно дёрнулись и, как по команде, инстинктивно сжали ноги, будто у самих заныло.

Выслушав до конца, Юй Мяошуй с отвращением глотнул деревенского чая, сплюнул пару раз на землю и недовольно буркнул:

— То есть, по-твоему, Тан Вэнь скончался от полученных ран, а тот, кто на него напал, Ван Сяоюй, тоже мёртв?

Подумав немного, он лениво добавил:

— Ну, дело-то простое. Один убил, потом от страха перед законом взял, да и покончил с собой.

Слова ещё не успели остыть в воздухе, как из толпы сзади вырвалась пожилая пара, за ними поспешно двое молодых мужчин. Все четверо, с отчаянной мольбой на лицах, рухнули на колени перед ловчими и застучали лбами по земле:

— Прошу вас, господа, рассудите по правде! Наш Юй-эр ни за что бы не стал убивать! Как он мог добровольно уйти из жизни?! Его точно не самоубийство убило, это семья Тан, это они его в могилу загнали! Господа, рассудите!

Лю Дафу нахмурился и грозно рявкнул:

— А вы ещё кто такие?!

Чжэн Бинши тут же поспешил вперёд и ответил:

— Господа, это родители Ван Сяюя и его два старших брата.

Сказав это, он в душе досадовал, что Сюй Байфу не может совладать с деревенскими. Вот ведь не вовремя начали мешаться! А потому, не колеблясь, приплёл к делу и его:

— А это, господа, староста деревни Селю, Сюй Байфу. Упомянутый Ван Сяюй как раз и был уроженцем их деревни. А тот врач, что вчера лечил Тан Вэня, тоже из Селю.

— Тут ещё и врач замешан? — Юй Мяошуй при этом едва сдержал раздражение. С тех пор как в прошлый раз дело с трактиром Чжу сорвалось из-за некоего доктора с фамилией Юй, он и слышать не мог спокойно о лекарях. Ведь именно из-за того случая их с Лю Дафу наказали, лишили жалования, да ещё и заставили целый месяц мести двор уездной управы.

— Позвать сюда этого врача, — велел он хмуро. — Раз уж, когда он пришёл, Тан Вэнь был ещё жив, а после помер, может, и он с Ван Сяюем в одной упряжке был!

Эти слова до смерти перепугали Сюй Байфу:

— Господа, прошу рассудить по справедливости! Всё было лишь потому, что в деревне Шуймо не оказалось лекаря. Я лишь по просьбе старосты Чжэна и отправил гонца за доктором, и все в деревне это могут подтвердить!

Юй Мяошуй и слушать не стал старика, холодно усмехнулся и рявкнул:

— Здесь я приказываю или ты? Сказал привести — значит, приведёшь!

Юй Шанчжи, притаившийся неподалёку, услышав это, ничуть не удивился. Он и так знал: эти двое только и умеют, что размахивать руками и пустыми угрозами, будто каждое дело можно решить, пригрозив допросом в ямене. На деле же ни толку, ни умения. А грязь, что они так легко кидают на людей, скорее всего, нужна лишь для того, чтобы получить с этого хоть какую-то выгоду.

Он жестом дал понять Вэнь Ецаю не горячиться. Как бы ни было, в одном Юй Шанчжи был уверен: эти двое теперь не посмеют с ним грубить или лезть на рожон.

Пока староста говорил, он уже неторопливо вышел из толпы и, встав напротив Юй Мяошуй и Лю Даху, с лёгким поклоном сложил руки перед собой:

— Юй Шанчжи из деревни Селю приветствует почтенных господ.

Юй Мяошуй, услышав знакомое имя, вытянул шею вперёд, взгляделся и тут же резко вскочил, словно подброшенный пружиной. Лицо его мигом изменилось, будто перевернули страницу, и он вмиг заулыбался:

— Да это же Юй-ланчжун! Какая встреча! Какая удача!

Юй Шанчжи поднял глаза и, будто только сейчас узнал этих двоих, с вежливой улыбкой извинился:

— Ах, так это вы, господа Юй-букай и Лю-букай? Надеюсь, у вас всё было благополучно?

— Ой, да где нам перед вами “господами” называться! — в голос захохотали Юй Мяошуй и Лю Даху, расплываясь в улыбках, словно две пышные хризантемы. По их виду и не скажешь, что они кого-то допрашивать приехали, так и хотелось пригласить Юй Шанчжи за стол посидеть вместе.

Пока Юй Шанчжи вежливо отнекивался, у всех присутствующих лица вытянулись будто увидели нечто запредельное. Особенно у Чжэн Бинши — тот, что хотел было втянуть деревню Селю в беду, теперь только и мог, что судорожно подмигивать Сюй Байфу. В каждом вздёргивании бровей читалось одно: ты почему мне не сказал, что ваш деревенский лекарь с такими связями?!

Но Сюй Байфу и сам до конца не знал. Правда, вспомнив, как богач Цянь в своё время подарил Юй Шанчжи с супругом десять му земли, в голове у него уже начали складываться кое-какие соображения. Теперь он сделал вид, будто вовсе не замечает паники Чжэна, стоял себе спокойно, не спеша, словно всё происходящее не его забота. А тот тем временем метался и злился, не зная, куда деваться.

Юй Мяошуй и Лю Даху же, не обращая внимания на вежливые отказы Юй Шанчжи, всё же

усадили его на стул.

— Юй-ланчжун, — заговорил Юй Мяошуй с подобострастной улыбкой, — эти деревенские толком объяснить ничего не могут, толком не разберёшь, кто прав, кто виноват. А вот вы, раз на месте были, знаете побольше. Не могли бы вы для нас прояснить, что тут да как случилось?

В глазах этих двоих Юй Шанчжи теперь был тем, с кем ну ни в коем случае нельзя было ссориться. Тем более, что оба уже слышали: этот молодой лекарь не просто пользуется расположением господина Цянь Юньли, но и удостоился почтительного обращения самой госпожи Цянь. А за этим, как они понимали, может стоять многое - и связи, и покровительство, и влияние.

Что же до самого дела, то проще всего будет принять за истину то, что скажет Юй Шанчжи. Уж он-то наверняка не ошибётся. А раз он человек из деревни Селю, значит, скорее всего, и склонен будет встать на сторону семьи Ван, чьим сыном и был тот самый покойный Ван Сяюй.

Юй Мяошуй поглаживал подбородок и время от времени переглядывался с Лю Даху.

А Юй Шанчжи и сам прекрасно понимал, какие мысли сейчас роятся в их головах. Но у него на этот счёт было своё мнение, и не такое уж простое, чтобы выкладывать его напрямую. Некоторые слова должны быть произнесены чужим ртом.

— Два почтенных господина, — произнёс он с должной скромностью, — я, в конце концов, всего лишь лекарь, в судебных делах ничего не смыслю. Зато наш деревенский староста, господин Сюй, он всё знает куда лучше меня.

Лю Даху, не дожидаясь указаний от Юй Мяошуя, сразу повернулся и громко сказал:

— Эй, староста из деревни Селю, иди-ка сюда, поговорим!

Сюй Байфу быстро подошёл и, прежде чем заговорить, протянул бумажный свёрток.

Лю Даху взял его, и вместе с Юй Мяошуйем развернул, внутри оказались остатки перемолотого зелья.

— Где вы это нашли? — спросил Юй Мяошуй.

Сюй Байфу с почтением склонился в поклоне:

— Доношу до почтенных господ: я с малых лет знал этого Юй-гера из семьи Ван, потому и сужу о его нраве не понаслышке. Подумал, что за тем, как он ранил человека, должно скрываться нечто большее. Потому и распорядился, чтобы наши люди осмотрели окрестности. Так и

нашли на заднем дворе дома Тан, под деревом, этот зарытый свёрток. Я сразу же передал его лекарю Юю, и он сказал, что это сильнейшее средство для аборта, по сути своей — настоящее зелье тигра и волка.

— Средство для аборта? — брови Юй Мяошуя приподнялись. — Неужели Ван-гер уже был беременен ещё до того, как вступил в этот брак?

Теперь это дело, похоже, становилось по-настоящему занятным.

Одного этого слова — «средство для аборта» — хватило, чтобы во дворе поднялась целая буря. Первые не сдержались люди из деревни Шуймо:

— Ха! Мы сразу говорили, что этот Ван-гер не из порядочных! Только пришёл в дом и уже с дитём?! Не иначе, как надел зеленую шляпу нашему Тан Вэню, а когда тот, бедный, всё узнал, взбесился и хотел выгнать его, вот он и убил Тан Вэня от стыда и злобы!

Чан Цзинлянь прямо-таки вскочила на ноги, сплюнула с такой силой, что плевок ударил точно в цель. В этот момент ей было уже совершенно незачем сохранять лицо семьи Тан, да и о собственной гордости она более не помышляла.

— Вы все, чтоб вам провалиться на месте! — взвизгнула она. — До сих пор смеете заступаться за этого мерзавца с фамилией Тан?! Так я вам сейчас расскажу, что он творил на самом деле!

Порыв ветра поднял у неё прядь волос, в которой отчётливо поблёскивали серебристые нити — признак того, сколько ей пришлось пережить.

Она оттолкнула руку Ван Байчуаня и резко отодвинула тех, кто пытался её удержать. И в тот же миг старик Тан и Юй Цайся, опираясь на руки односельчан, вышли из дома. Едва они успели остановиться на пороге, как слова Чан Цзинлянь сразили их словно громом, заставив застыть на месте.

— Слушайте все, — голос её дрожал, и в нём уже звенела сдерживаемая рыданиями скорбь, — мой гер погиб этой ночью здесь, в Шуймо! И я не позволю, чтобы его смерть прошла впустую! Мой Юй-эр, он, может, и был глуп, что согласился на этот брак, но главная его ошибка была в том, что он связался с этим подлецом Тан Вэнем!

Говоря это, она всё больше срывалась на плач:

— Это я виновата! Это я поверила в лживые слова семьи Тан! Увидела, что Тан Вэнь вроде бы учёный, будто бы знающий книжные истины, подумала, что, глядишь, со временем добьётся чина, будет обращаться с моим сыном как следует... А кем он оказался на самом деле? Да скотина он, не человек! Не раз и не два обманывал моего Юй-эра, выпрашивая у него деньги то на книги, то на кисти, а сам носил их шлюхам в бордель! А потом что? Потом он заразился...

этой позорной болезнью — и всё равно затащил моего ребёнка в постель, заразив и его!

Эти слова Чан Цзинлянь были произнесены столь громко и отчётливо, что даже если бы кто-то и не хотел слушать, не вышло бы.

Старик Тан и Юй Цайся, услышав, какая «слава» теперь тянется за их покойным сыном, в ту же минуту затаили на Чан Цзинлянь злобу до костей.

— Ах ты, ядовитая ведьма! — взревел Тан Лаохань. — Это ты подговорила своего сынка прикинуться невинным женихом, а на деле замыслила погубить моего мальчика! Сегодня мы хоть и стары, но положим за него жизни, ты заплатишь за смерть моего сына!

Стычка между двумя семьями едва не вспыхнула вновь, и тут Юй Мяошуй резко кашлянул, встал с места и со звоном выдернул из ножен своё оружие.

— Посмотрим, кто осмелится буянить дальше!

Лезвие блеснуло на солнце, и деревенские, у которых страх перед чиновниками и ловцами был в крови, сразу же замолкли, будто по команде.

Лю Даху с досадой почесал затылок, от всей этой ругани у него уже гудела голова. Он обернулся к Юй Шанчжи:

— Эй, Юй-ланчжун, вы скажите, как есть. Как умер этот ваш Ван Сяоюй? Его, что, этой... этой абортной отравой отравили? Тогда я не понимаю: если, по словам семьи Ван, он и был в положении, то ведь от Тан был ребёнок? Зачем же семье Тан его травить, если дитя их?

Юй Шанчжи даже не притронулся к только что поданному на низкий столик чаю и закускам. Он стоял, заложив руки в рукава, и, опустив взгляд, спокойно ответил:

— Состав этого abortного отвара чрезвычайно жёсткий. Что именно стало причиной смерти Ван Сяоюя, опытный судебный медик сразу определит.

Юй Мяошуй с Лю Даху, как бы легкомысленно ни относились к делу, всё же знали, к каким последствиям приводит приём подобных средств. Услышав это, они подошли к телу Ван Сяоюя, приподняли накрывавшую его циновку, мельком взглянули и вновь опустили.

Сказанного было достаточно, результат стал ясен без слов.

Юй Шанчжи, заметив это, продолжил:

— Есть и ещё кое-что. Я ведь осматривал Тан Вэня, и могу подтвердить: он действительно болен сифилисом. Ван Сяюй был заражён от него, внутри уже скопилась сырая отравка. А если в таком состоянии родить ребёнка, он с самого рождения окажется заражён внутриутробным ядом. Осмелюсь предположить: именно по этой причине семья Тан и настаивала, чтобы Ван Сяюй избавился от ребёнка.

Но ведь это был плоть от плоти Ван Сяюя. Возможно, он не смог с этим смириться.

— Значит, между тем, как Ван Сяюй выпил этот отвар, и тем, как он нанёс удар Тан Вэню, непременно что-то произошло, — продолжил Юй Шанчжи. — Возможно, он попытался сбежать... или, быть может, уже тогда решил умереть. Как бы там ни было, он всё же скончался от сильнейшего кровотечения, упав где-то в безлюдной глуши.

Разумеется, тут ещё много неясного, без заключения уездного судебного медика ничего нельзя утверждать с точностью. Но даже тех фактов, что уже оказались перед глазами у всех, вполне достаточно, чтобы сложить хотя бы часть общей картины.

К этому моменту дело уже явно вышло за пределы того, что способны разрешить Юй Мяошуй с Лю Даху.

— Если всё же выяснится, что Ван Сяюй умер от abortного зелья, — пробормотал один из них, — боюсь, родители Тан Вэня тоже легко не отделаются.

Переговорив вполголоса, они наконец сделали знак рукой:

— Чжэн Бинши, Сюй Байфу, вы, как старосты двух деревень, отправляетесь с нами в уезд. Не только тела Тан Вэня и Ван Сяюй, но и всех членов обеих семей забираем с собой!

Что до Юй Шанчжи...

Юй Мяошуй не осмеливался просто так взять и потащить его в уездный ямен. Тем более что вся предоставленная Юй Шанчжи информация — это как раз то, что в любом случае сможет подтвердить судебный медик из уезда, причём скажет он это с куда большей убедительностью.

Так что, когда Юй Шанчжи с подчеркнутым спокойствием осведомился, не собираются ли его «забрать для допроса», Юй Мяошуй поспешно отмахнулся:

— Не стоит, не стоит! До уездного города далеко, не будем попусту утруждать Юй-ланчжуна.

Юй Шанчжи с готовностью принял предложенный выход:

— Раз так, двое доблестных господ сегодня и без того натрудились. Мы с супругом тогда

откланяемся.

После этого обе стороны ещё с полдюжины раз обменялись любезностями, напоследок условившись, что в следующий раз, как Юй Шанчжи навестит уездный город, они непременно «соберутся и выпьют как следует» — и на том распрощались.

Вскоре повозки из двух деревень, а также одна спешно отобранная ослиная телега тронулись в путь. На них тряслись два безмолвных трупа и люди двух домов, неспешно направляясь в сторону уезда.

После ухода деревенских старост, в воздухе вновь повисло напряжение, казалось, вот-вот снова вспыхнет ссора между двумя деревнями. К счастью, и у семьи Чжэн, и у семьи Сюй в глазах своих односельчан ещё сохранялся вес. Раз уж старосты обеих деревень и семьи покойных уехали, нужды в дальнейшем препирательстве здесь уже не было. Сюй Пэн и Сюй Циншуй от имени деревни Селю проявили благоразумие: сделали шаг назад и увели мужиков своей деревни восвояси.

Даван шёл впереди, гордо подняв голову и ведя всех за собой. Юй Шанчжи, вымотанный бессонной ночью, плёлся позади с Вэнь Ецаем, который шёл рядом, не отставая ни на шаг.

Они вполголоса шутили, пока краем глаза не уловили какое-то движение. Подняв головы, увидели Сюй Пэна.

— Дядя Пэн, — поздоровались оба. Тот, немногословный, как всегда, только подошёл и крепко похлопал Юй Шанчжи по плечу.

— Ты сегодня всё правильно сделал.

Юй Шанчжи слегка удивился, не ожидал, что Сюй Пэн специально подойдёт, чтобы сказать это. Когда тот догнал остальных и вернулся в голову колонны, Вэнь Ецай объяснил Юю:

— Дядя Пэн имел в виду, что ты этим делом будто бы вернул нашей деревне немного достоинства в глазах власти. Потому что, если по правде разобраться, во всём виноват Тан Вэнь: сначала шлялся по борделям, подцепил заразу, а потом ещё и обманом втянул нашего гера. В конце концов, именно их семья заставила Ван Сяюю выпить зелье для выкидыша, отчего тот и погиб. Так что если по совести, у них, у деревни Шуймо, правды за собой нет. И впредь им будет сложнее снова цепляться к нам по этому поводу.

Видя, что Юй Шанчжи все еще выглядит весьма озадаченным, Вэнь Ецай со вздохом пояснил:

— Ты ведь молодой господин, откуда тебе знать, что между деревнями идёт скрытое соперничество. На самом деле у нас с деревней Шуймо уже давно мир-то натянутый. Их деревня стоит выше по течению, и в засуху они бывало перекрывали воду, из-за чего наши

поля поливались кое-как. Мужики с обеих сторон дрались столько раз, что уже и не сосчитать.

Юй Шанчжи чуть помолчал, услышав, что за этим всем стоит такой давний и глубокий конфликт, и слабо вздохнул:

— Я, по правде говоря, и не думал обо всём этом. Просто счёл, что некоторые вещи нельзя оставлять невыясненными.

Когда родители Тан Вэня в слезах причитали у тела сына, он в словах Юй Цайся уловил несколько ключевых выражений. Если приглядеться, можно было заметить, что Юй Цайся именно раскаивается в том, что заставила Ван Сяюю выпить то зелье. Услышав это, Юй Шанчжи сразу насторожился и, не мешкая, попросил Сюй Байфу осмотреть окрестности, не удастся ли найти следы лекарств. Поначалу Сюй Байфу и Сюй Циншуй искали впустую. Но всё изменилось, когда Вэнь Ецай пришёл с Даваном: он дал псу понюхать пилюлю с похожим запахом из аптечки Юй Шанчжи и, благодаря отменному нюху охотничьей собаки, им удалось найти в ямке под деревом закопанные остатки лекарства.

Кроме того...

— Если бы я пришёл чуть раньше, — тихо добавил Юй Шанчжи, — возможно, я смог бы спасти Тан Вэня.

Хотя в прошлой жизни он лечил бесчисленное множество пациентов, всё же он сидел в семейной клинике Юй, а не дежурил в отделении неотложной помощи при больнице. Такие случаи, когда жизнь висела на волоске, ему встречались редко, и лишь сейчас он с запозданием осознал: он до сих пор не может смириться с тем, как быстро угасла одна человеческая жизнь.

Вэнь Ецай обнял его за руку:

— Ты уже сделал всё, что мог. Я хоть и не учёный, но слышал одну фразу: «Делай, что должен, а дальше положишься на небо». Если бы одних лишь лекарей хватало, чтобы спасти любого, сколь бы тяжёлой ни была болезнь или рана, разве не жили бы тогда все до ста лет?

От этих слов Юй Шанчжи немного оттаял. Некоторые истины он и сам хорошо понимал, просто, порой, эмоции затуманивают взгляд и мешают принять очевидное.

Поскольку он шёл медленно, мужчины из деревни, шедшие впереди, уже давно должны были добраться до дома. Кто бы мог подумать, что те, кто шёл впереди, нарочно сбавили шаг, будто специально ждали молодую чету, плетущуюся позади.

Юй Шанчжи заметил это, и тоже потянул Вэнь Ецай за собой, ускорив шаг. Когда вся группа снова появилась у входа в деревню Селю, под кривоватой ивой, служившей приметным

ориентиром, их уже поджидало немало людей. Увидев возвращающихся, все сразу вышли им навстречу. В основном это были родные и знакомые, говорившие слова заботы и беспокойства. Среди них особенно выделялась вся семья Су Цуйфэнь, при ней были Эрню и Санья, а рядом стоял Бай Пин с маленьким гером Сяо Дие на руках.

— Наконец-то вернулись! Главное, что все целы!

Су Цуйфэнь бросила беглый взгляд на своего высокого и крепкого мужа, тут же поняв, что с ним точно всё в порядке, и немедленно повернулась к Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю.

— Моё сердце, с тех пор как ты, А-Е, ушёл с дядей, так и не находило покоя.

Вэнь Ецай поспешил её успокоить:

— Тётушка, не волнуйтесь, что с нами может случиться? Мы ведь всего лишь пошли поддержать нашего деревенского старосту.

Су Цуйфэнь сложила ладони и, как в молитве, поклонилась:

— Раз всё обошлось, это лучше всего! Раньше ведь у нас с деревней Шуймо и до драк с кровью доходило!

Сказав это, она схватила Юй Шанчжи за руку, внимательно его оглядела и с досадой вздохнула:

— А уж если кто и устал по-настоящему, так это ты, мальчик. Глянь, ночь не спал, и лицо сразу посерело. Ступай домой отдохни, не вздумай снова, как в прошлый раз, больных лечить, а самому потом слечь!

Бай Пин тоже подошел, прижимая к себе ребёнка:

— Вы, наверное, даже не ели ещё? Я дома тесто раскатал, сварю лапши и принесу вам немного. Добавьте зелени, будет тарелка горячей лапши в бульоне, перекусите и сразу легче станет.

Вэнь Ецай подумал, что Юй Шанчжи и правда нужно бы поесть чего-нибудь горячего. Хотя тот и съел немного сухого пайка раньше, толку с того было мало, да и после столь долгой дороги всё уже наверняка переварилось. Поэтому он не стал церемониться с Бай Пином, они ведь давно дружат, и лишняя чашка лапши тут не в счёт.

Вскоре Бай Пин действительно принес еду. Вэнь Ецай сразу поставил вариться большую кастрюлю и, когда всё было готово, положил в чашку себе и Юй Шанчжи. Узнав, что Вэнь-эрню и Вэнь-санья тоже хотят попробовать, он лишь махнул рукой:

— Идите сами себе накладывайте.

— Осторожно, не обожгись, — предупредил Вэнь Ецай и, подхватив свою чашку, вошёл в дом.

Юй Шанчжи как раз заканчивал прибирать ящик с лекарствами и успел переодеться в чистую одежду. Та, что была на нём раньше, вся пропиталась кровью, уже и не отстираешь. Как говорили деревенские старики, на ней осталась не только грязь, но и дурное, пусть даже выстираешь дочиста, не поможет, лучше сжечь.

Они сели рядом и поели немного лапши. На деле лапши в чашках было немного, вся суть была в глотке горячего бульона. Съев все до дна, Юй Шанчжи почувствовал, что усталость навалилась ещё сильнее. Он умылся, как мог, и, не откладывая, ушёл в спальню прилечь.

К вечеру того же дня вернулся Сюй Байфу, побывав в уезде. С ним прибыли четверо из семьи Ван, а также тело Ван Сяюя. По деревне быстро разнеслось, что в уезде уже завершили расследование: виновным в нападении и смерти Тан Вэня признан Ван Сяюй. Однако, в то же время, вина за гибель Ван Сяюя легла на Тан Лаоханя и Юй Цайся — именно их настойка от выкидыша сгубила гера. Две жизни, два счёта: каждый случай рассматривается отдельно. На данный момент старики из семьи Тан уже получили плетей и были заключены в тюрьму.

Погибший Ван Сяюй только вышел замуж и тут же пал жертвой беды, да ещё и умер не своей смертью. По деревенским обычаям, в таких случаях нельзя устраивать пышных похорон. А сейчас, в разгар летнего зноя, гроб невозможно было долго держать в доме, слишком быстро начиналось разложение. Поэтому уже на следующий день после возвращения в деревню семья Ван наняла нескольких деревенских мужчин, чтобы те подняли лёгкий гроб и отнесли его на гору для захоронения.

В деревне стало на одного нарядного, любящего ввязываться в ссоры гера меньше, но дни остальных шли всё так же, как и прежде. Если уж и говорить о каких-то переменах, то лишь о том, что отношение деревенских к Юй Шанчжи стало заметно почтительнее.

Ведь каждый мужчина, побывавший тогда в Шуймо, втихаря рассказывал, как даже городские ловцы из уездного ямена вели себя с лекарем с исключительным уважением. И теперь все были уверены: раз уж этот страшенький гер Вэнь Ецай смог заполучить себе столь способного мужа, то совсем скоро они вместе покинут эту глухомань и взмоют в небо, словно фениксы, прямо в городскую жизнь.

Впрочем, как бы кто ни судачил, в семье Вэнь всё шло своим чередом, размеренно и по устоявшемуся порядку.

Тем временем приближался праздник Мансун — начало летней уборки.